

Нецензурный жизненный спектакль

Первоуральский зритель оказался не готов к новой драме.

Режиссер театра «Вариант» Вадим Белоконь не был пионером в постановке пьесы известного ирландского писателя — весной прошлого года приглашенный режиссер Эдуард Шахов ставил спектакль «Сиротливый Запад» в рамках проекта «Новая драма. Театральная лаборатория: поиск счастья». Но премьера так и не состоялась — трехсторонний договор с Шаховым был расторгнут, поэтому первоуральский зритель увидел спектакль только на днях.

«Пожалуйста, останьтесь...»

Премьерный спектакль во многом отличался от тех, которые привыкли видеть на сцене первоуральцы. Первой неожиданностью стало то, что перед началом постановки на сцену поднялся Вадим Белоконь и обратился к зрителям с речью.

— Я ужасно не люблю говорить все эти вступительные слова, — начал Вадим Васильевич. — Мало того, я не люблю, когда их говорит кто-то другой, потому что если кто-то говорит вступительное слово, это значит, что со спектаклем не все в порядке — либо зрителя держат за дурака, либо мы сами что-то не доделали и надо объяснять. Но в данном случае ситуация не такая, я объяснять ничего не буду. Просто хочу еще раз напомнить, что это — премьера спектакля, спектакля не очень простого, непривычного для нас жанра.

За всю 30-летнюю историю театра, «Вариант» впервые взялся за «новую драму» — серьезный и не совсем «опознанный» материал, как для режиссера, так и для актеров.

— И совсем из рук вон выходящая штука, — продолжил Вадим Белоконь, — я хочу попросить вас остаться после спектакля и обсудить его вместе с нами. Конечно, у кого будет желание. А желание будет у всех, потому что дверь мы закроем. Шутка, конечно. После окончания спектакля занавес снова откроется, и мы будем готовы поговорить с вами о нашей новой работе.

Проводив режиссера со сцены аплодисментами, зрители уселись поудобнее и приготовились к просмотру «Сиротливого Запада».

Килты и парики

Говоря о том, что спектакль несколько необычен, Вадим Белоконь совсем не преувеличил. Но, по порядку.

Когда занавес, наконец, открылся, зрители увидели странные декорации — картонные коробки составляли интерьер комнаты, в которой развивалось действие — стены, двери, полки, шкафы, туалет, бутылки, кружки, газовая плита — картон. Посередине сцены — деревянная лестница, которая играла роль то стола, то причала. Стена из коробок была выложена таким образом, что в центре получался крест, «перечеркнутый» ружьем. Костюмы актеров тоже были не совсем типичными — Дмитрий Плохов и Олег Кушнарев, игравшие братьев Коннор, появились на сцене в килтах разных цветов — красном и голубом, под цвет «юбок» были галстуки и тяжелые ботинки, головы актеров украшали рыжие парики с мелкими дредами. Более традиционно выглядел отец Уэлш в исполнении Андрея Мурайкина — темный пиджак, брюки, шапочка, в руках — четки. Герлин Келлегер, которую играла Анастасия Мурайкина (кстати, это ее дебютная «большая» роль) появлялась перед зрителями то в разноцветной тунике с массивными бусами, то в легком белом пеньюаре.

По ходу пьесы на зрителей выливается целый поток ненормативной лексики, они вынуждены вдыхать «ароматы» расплавленной пластмассы, следить за тем, как спивается святой отец, наблюдать за драками родных братьев.

«Это вам не «жопа» какая-нибудь...»

От просмотра спектакля остаются непонятные впечатления — вроде, все плохо — отец Уэлш утопился, Герлин страдает по погибшему возлюбленному, братья Коннор продолжают друг друга ненавидеть, ссорясь из-за маленького кусочка жареной картошки. Страшно становится от черствости людей, которым никого и ничего не жалко: они могут убить родного отца только за то, что старик раскритиковал прическу сына, покалечить друг друга за выпитый самогон, думать о девочке из Норвегии, которая родилась без губ, когда получают новость о самоубийстве друга детства... И юмор в постановке какой-то мрачноватый:

— Что, отец Уэлш снова сомневается в Боге, — спрашивает Герлин у братьев.

— Ага, — отвечают они со смехом.

— Хм, уже в 12 раз на этой неделе, впору ставить Иисуса в известность.

Но странно, что чувства безысходности после просмотра нет. Отвращение к людскому равнодушию, жалость к неумеющим прощать перекрываются надеждой на то, что братья осознают свою значимость друг для друга и поймут, что любить можно не только себя, но и ближнего. Верится, что заповеди, ради которых отдал свою жизнь отец Уэлш, не умрут вместе с ним на дне озера.

Скорее всего, Вадим Белоконь предвидел подобные зрительские «метания», поэтому и организовал обсуждение спектакля.

— МакДонах — весь в этом, — начал режиссер, — если цапаться, то из-за вселенской вещи — маленького кусочка картофеля, если убивать — то из-за раскритикованной прически. — МакДонах — давнишняя моя мечта, я давно хотел поставить этого автора. Его много ставят в России, в нашей стране он уже давно перестал считаться иностранцем. Это уже классика.

— Вадим Васильевич, как вы объясните использование в спектакле ненормативной лексики? — задала вопрос одна из зрительниц.

— О каких словах идет речь? — удивился режиссер. — Вы, наверное, имеете в виду слово «жопа»? Ну, очень нецензурное слово.

— Но с ребенком на этот спектакль уже не пойдешь, сами понимаете.

— Нет, не понимаю, — ответил Вадим Белоконь. — Поверьте, я сам научу своего ребенка говорить слово «жопа». Пускай он лучше от меня его услышит, чем в подворотне в более извращенной форме. Ну, мнение такое у меня, что подделаешь? Я вам расскажу один случай. Мы принимали участие в фестивале «Ночь в театре», выступали одними из первых с постановкой «Двое бедных румын, говорящих по-польски». Вот там есть абсолютно нецензурные слова, и, мало того, их очень много. Это вам не «жопа» какая-нибудь, а такие нормальные, основательные словища! Набился полный зал, выходят наши артисты на сцену, начинают читать. А я стоял в дверях, не сидел в зале. Минут через десять люди, опустив глаза, начинают выходить. Причем, выходят с точно такими же словами, которые слышат со сцены. Можно относиться к этому как угодно, но если это к месту и без этого нельзя, то почему бы и нет?

Игру актеров зрители обсуждали между собой — спорили, не соглашались, повышали голос, но в выводах сошлись — отлично сыграли.

Обсуждение завершилось тем, что Вадим Белоконь рассказал о планах на будущее.

— Будем ставить пьесу «Соглядатай» Мориса Панича, она выйдет к 30-летию юбилею театра, — поделился Вадим Васильевич. — Так же к юбилею Дима Плохов поставит большой детский спектакль по О. Генри «Вождь краснокожих». В конце сезона я поставлю детскую сказку, скорее всего — «Карлсон, который живет на крыше».

О чем спектакль?

Первое действие началось тем, что младший из братьев — Коулмен Коннор, возвращается домой вместе с пастырем Уэлшем с похорон отца. Они собираются выпить, но никак не могут, потому что Коулмен постоянно ругается — на покойного отца, на брата, на пришедших хоронить его отца людей. С появлением в доме Валена Коннора, между братьями не прекращаются ссоры, которые отец Уэлш тщетно пытается прервать. Отчаявшись дожидаться внимания от Конноров, святой отец ведет беседу о собственной никчемности с бутылкой самогона. Ссора братьев перерастает в драку. Чтобы отомстить Валену, Коулмен расплавляет в кастрюле пластмассовые фигурки святых, которые постоянно покупает его брат. Очередная ссора заканчивается признанием младшего Коннора в убийстве собственного отца. Отец Уэлш окунает в расплавленную пластмассу руки, потому что уже не в силах терпеть нравственные мучения от собственной бесполезности, надеясь, что физическая боль пересилит духовную.

По зрительному залу из кастрюли со сгоревшими фигурками начинает расплзаться едкий дым, отец Уэлш опрокидывает посудину и убегает, братья негодуют — кто будет отскребать с пола пластмассу.

После антракта зрители увидели одинокого отца Уэлша, пьющего самогон на берегу озера, в котором совсем недавно утопился один из прихожан — Том Хэннон. Святой отец никак не может себе простить гибели молодого человека, не может взять в толк, почему никого не оказалось рядом с самоубийцей в момент несчастья, почему сам Уэлш не смог ему помочь. Вскоре к пастырю присоединяется Герлин, всем своим видом показывая симпатию к святому отцу. Но тот не обращает внимания на намеки девушки, спрашивая лишь о том, почему так несправедлив мир. Герлин уходит, унося с собой письмо, которое пастырь просит передать братьям Коннор.

Братья продолжают свои бесконечные споры, когда к ним приходит Герлин, чтобы передать письмо и сообщить страшную новость — отец Уэлш утопился в том же озере, что и Том Хэннон. В своей «предсмертной записке» пастырь призывает братьев к миру и согласию, упрекая в постоянных

дрязгах. Не сказать, что Конноры так уж расстроены самоубийством святого отца, но все же они решают относиться друг к другу по-человечески «ради спасения души бедного Уэлша».

Получив от старшего брата разрешения съесть картофельные чипсы, младший просит прощения за те пакости, которые натворил: за то, что ломал игрушки, что в детстве повалил брата на пол и специально плевал ему на лицо... Вален, в свою очередь, так же просит прощения за мелкие гадости, которыми докучал брату. И вроде бы семейная идиллия начинает восстанавливаться, но братья входят в раж, вспоминая обиды, нанесенные друг другу, и от мелких шалостей переходят к настоящим преступлениям: Вален в свое время проткнул ручкой горло девушки Коулмена лишь потому, что брат собирался с ней на свидание, а Коулмен отрезал уши любимой собаки Валена, которая почти сразу же умерла.

В итоге, душа святого отца послана «к черту», младший брат хватается за ружье, старший — за нож. В ходе ссоры Коулмен выбегает из дома, сказав, что истратил все деньги по страховке, Вален берет ружье и выходит вслед за братом.